

АЛЕКСАНДР ДМИТРИЕВИЧ ДУЛИЧЕНКО
Тартуский университет

Крижанич и Караджич: в поисках метаязыковых решений

В настоящей работе речь пойдет о двух выдающихся лингвистических творениях в жанре грамматик, авторы которых два южных славянина — Юрай Крижанич и Вук Стефанович Караджич. Первому мировая славистика недавно отдала дань уважения — в связи с 300-летием смерти его лингвистическое и, в целом, научное наследие обсуждалось на IX Международном съезде славистов в Киеве, на специально ему посвященных конференциях в Югославии и других странах (см., напр. [Zbornik 1986]); второму славистика отдала дань уважения в 1987 г. — в связи с 200-летием со дня его рождения (см., напр. [Зборник 1987]).

Для каждой эпохи характерна собственная лингвистическая (и шире — филологическая) идеология, успех и длительность существования которой зависит, с одной стороны, от уровня развития лингвистического (resp. филологического) сознания, с другой — от насущных практических потребностей общества и специфики социальных отношений. Если говорить только об ареале *Slavia Orthodoxa*, то с раннего средневековья и вплоть до середины XVIII в. наряду с настойчивым стремлением писать на родном языке сосуществовала письменная культура, создававшаяся на церковнославянском языке в его национальных изводах. При этом в структуре лингвистической идеологии указанного периода церковнославянский язык, в отличие от приземленного народного, и нормативно-грамматически, и эстетически, и социально непременно воспринимается как престижный, что находило свое выражение в серии грамматических трактатов и цельных грамматик, кодифицировавших его нормы и закреплявших его надэтнический и надъязыковой статус. Венцом социолингвистического утверждения церковнославянского языка явилась известная грамматика Мелетия Смотрицкого, созданная в начале XVII в. (1619 г.)

и переиздававшаяся затем неоднократно. Ее влияние распространялось не только в России, но и в Южной Славии.

Столкновение кодификационных установок двух лингвистических идеологий, традиционной и новой, произошло почти по невероятному стечению обстоятельств практически в один и тот же год, а именно в 1755 г., когда в Римнике (Рымнике) для нужд сербских школ последний раз была переиздана грамматика Мелетия Смотрицкого [1755] и в этот же (или почти в этот же) год выходит *Российская грамматика* М.В. Ломоносова, знаменовавшая собою поворот от церковнославянской литературно-языковой традиции к литературно-языковой практике на народном языке. Правда, в Сербии еще и во второй половине XVIII в. так или иначе удерживаются позиции церковнославянского языка, но даже изданное в 1794 г. в Вене *Руководство къ славенстѣй грамматицѣ* Аврама Мразовича [1794] не могло ничего сделать для сохранения традиционной лингвистической идеологии: на пороге стоит национальное Возрождение с его одной из главных целей — созданием литературного языка на народной основе.

Крижанич — сын XVII в., старая лингвистическая идеология привела его к сочинению *Граматицно изказанье об руском језику* [1848–1859] и созданию всеславянского языка надэтнического и надъязыкового характера. Лингвистическое творение Караджича — сербский литературный язык в *Писменице сербскога језика* 1814 г. [Караџић 1814] и в *Српској граматници* 1818 г. [Караџић 1818] и в дальнейшей практике — отражает новую лингвистическую (и социолингвистическую) идеологию, оно приземлено, четко локализовано, оно не “над-”, а скорее всего “на”, т.е. опирается на определенные живые говоры, на народную речь и ориентировано на конкретную этническую среду. Учитывая эту, достаточно очевидную структурно-функциональную оппозицию между названными лингвистическими творениями XVII в. и начала XIX в., мы попытаемся выявить своеобразие подхода языковых реформаторов, каковыми были Крижанич и Караджич, к своим лингвистическим детищам. Иными словами, мы попытаемся установить, как соотносятся лингвистические поступки двух языковых реформаторов, действовавших в разные эпохи и в рамках различных лингвистических идеологий.

Приступая к созданию, реформе или нормированию языка, реформатор должен прежде всего осмыслить существующую социолингвистическую ситуацию, а затем определить принципы работы с языковым материалом. Первое подразумевает выразить свое отношение к функционирующим языкам интересующего арсала, второе

затрагивает самоё матерню практикуемого лингвистического творения, называемого литературным языком.

I

К *сосушествующим литературно-письменным языкам* и Крижанич, и Караджич определили свое однозначно отрицательное отношение. Крижанич резко выступил против языка первых славянских переводов, полагая, что он засорен чужими элементами, а его грамматика скопирована с греческой. В предисловии к *Граматичному изказаню* он так пишет об этом:

...преводники сѣт нїколе Грѣчскіе и Нїмѣчскіе рїчи, а Латїнскіх и довбљно число, без нѣдѣжн вь кнїгїи вписали: него сѣ обличїт понѣдѣжно мораем: како сѣт Греки [Крижанич имеет ввиду первых славянских просветителей Кирилла и Мефодия!] нашѣ бесїдѣ на своле копїто набїли: сѣ јест, вѣс состав и обличје нашего језїка (: по обзорѣ на своѣ језїк :) изо дна извратїли и претворїли: тако да ни он јест Грѣчскїи ни он Рѣскїи језик [с. IV].

Крижанич остро критикует Мелетия Смотрицкого, который своей церковнославянской грамматикой только закрепил такую ситуацию. По его мнению, Мелетий “бїл би доспїл вѣсци народѣ пособнїе, да би се нѣбил соблазнїл по обзорѣ на Грѣчскіе преводї: и даби нѣбил захотїл нашего језїка на Грѣчскіе и на Латїнскїе Ѵзбїри претварїат” [с. IV–V]. Потому на протяжении всего *Граматичного изказаня* он то и дело обращается к грамматике Мелетия Смотрицкого (“Смотрицкїи велїт...”) и тут же исправляет его (“Али тó нїт во вѣсѣм Јстина”).

Поразительное совпадение суждений Крижанича и Караджича о литературно-письменном языке у сербов (и хорватов). Крижанич считал, что

Херватї, дї, и Сѣрбљани всїмї језїкми говорѣт, а нїчесоже неговорѣт. Пѣрва бо Ѵ нїх рїч јест Рѣска, втѣра Вѣгерска, трѣтја Нїмѣска, четвѣрта Тѣрска, пѣта Грѣска или Влїшска, или Арбанаска. Сїце тáмо говорѣне јест изкаженѣ... [с. III].

Караджича также беспокоило смешение в литературном языке компонентов церковнославянского и сербского народного языков. В рецензии на морализаторскую повесть Милована Видаковича *Любомирь у Елїсіуму* (Въ Будинѣ, 1814), опубликованной в газете *Новине Србске* в 1817 г., Караджич прямо заявляет:

...докле пишемо Србски по Славенской Грамматїци, и Славенски по Србской; дотле ћемо кварити и грдити обадва езыка [Караџић В., *Скупљени граматички и полемички списи*, књ. I, с. 159].

В предисловии к *Српском рјечнику* он вновь отмечает, что “писари су у писању мијешали народни језик с црквеним језиком” [с. III], причем

код њи не треба знати никакве граматике (ни Српске ни Славенске), него зарежи перо да пиши по своме вкусу, како ти кад из пера истече: што не знаш Српски, метни Славенски; што не знаш ни Српски ни Славенски, метни како ти драго (што ти прије на ум падне)... само да није чисто као што народ говори, а све остале може поднијети [с. VI].

В качестве антитезы смешанному, испорченному и искаженному письменному языку у Крижанича и Караджича выступает *живая народная речь*, которая мыслится как чистая, т.е. в их рассуждениях налицо оппозиция “смешанный язык — чистый язык”. Для Крижанича это речь тех мест, где он родился:

чистѡ изрикѡнѡ... въ једѡном малѡм кѡтѡ земльи: около кѡпи рикѡ, въ Ѳѡздѡ Дѡбовца и Озльѡ и Рибника остроѡгов. Онамо бо во време Тѡрских послѡдних проѡнов, и при взѡтѡ Херватские столицѡ Бѡхща гѡда... сохранило се јест херватско и Сѡрбско больѡрство. Ј кѡлико јест лош доселѡ остѡло стѡрого зачѡлногѡ и чистогѡ изрикѡнѡ, тѡмо се јест обрѡтѡло, за мојегѡ дѡтѡинства. А сѡ потомѡ, леже тѡмо дѡбарѡди стермиѡх гѡр, и дѡля неплодних рѡк, нѡст нѡкаковаже прејезда ни торѡвства, и лѡрѡдных лѡудѡ мало прихѡдит, кѡби бѡхѡ изрѡк казили [с. III].

Таково же отношение к родному говору и у Караджича:

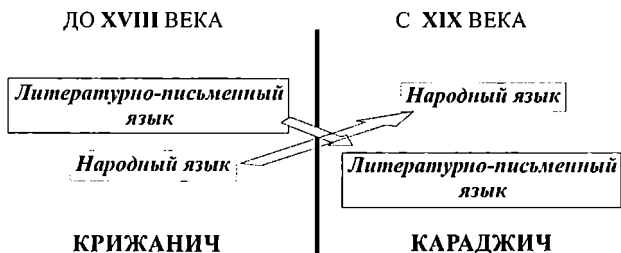
Мени се ниједно ово нарјечје [ерцеговачко, ресавско, сремачко] не чини ѡпше ни милије од другога, него су ми сва три једнака; а ову сам књигу [Српски речник и Српска граматика] зато писао Ерцеговачким: а) што се тако говори онѡ же сам се ја родио, и тако сам нај прије од мајке и од оца научио говорити; а б) да виде Сријемци и Бачвани и Банаѡани, како ѡнова браћа и по оним земљѡма говоре: зашто се до сад о том ништа није писало [с. XVII].

В приведенных высказываниях со всей очевидностью проявляется *лингвофилия*, или *языколюбие*, обоих реформаторов по отношению к материнскому диалекту. Однако, если для Крижанича родной диалект всего лишь мечта, благое пожелание, своего рода языковая ностальгия — ведь он создает свой всеславянский язык, опираясь главным образом на широко понимаемый хорватско-сербский и церковнославянско-русский языковой материал, то для Караджича родной диалект — это главный ориентир при создании норм литературного языка, т.е. у него опора на родной диалект, по существу, представляет собой основной способ реализации этой идеи.

По сравнению с церковнославянским языком Мелетия Смотрицкого, всеславянский язык Крижанича хотя и “освежен” бѡльшим

количеством элементов живых славянских языков, он все же остается, как и первый, по сути бездиалектным, что и соответствовало его надэтническому и надязыковому назначению. В сербском литературном языке Караджича, напротив, конкретная диалектная основа гипостазирована; связь литературного языка с определенной диалектной базой, как правило, географически широко распространенной и располагающейся в ареале давних культурно-исторических центров, укрепляет его позиции и делает его в конечном счете общим литературным языком, что отвечало целям национального Возрождения. В свете сказанного стратификацию компонентов теорий литературного языка у обоих авторов можно представить в виде схемы, левая сторона которой состоит из двух параллельных страт — литературно-письменного языка как социально престижного либо предусмотренного для такой престижности, и народного языка без такого признака — такова ситуация у Крижанича; а правая сторона демонстрирует “смену ролей” у этих компонентов — повышение значимости и престижности народного языка, литературного языка на народной основе и понижение значимости вплоть до полного исчезновения старого литературно-письменного языка.

Как видим, в воззрениях Крижанича и Караджича кардинально поменялись роли старого литературно-письменного языка и народного языка (народно-литературного языка) с формированием и развитием возрожденческой идеологии, схематически

По сути, это был революционный шаг, приведший к перестройке всей социолингвистической ситуации в Сербии и далеко за ее пределами. Осуществление этого шага практически всецело легло на плечи Караджича и его сторонников — и в этом несомненное величие его гения.

В рассматриваемом аспекте показательно также отношение обоих реформаторов к *лингворусоцентризму*. Для Крижанича русский язык — ориентир и основная материальная опора (наряду с хорватско-сербским) в построении всеславянского языка. Крижанич исходил не только из признания значимости русского языка в славянском мире, но и из ошибочного убеждения в том, что именно русский язык является основой, источником всех остальных славянских языков:

сѣь лезік: ко́бьм кнѣй́ги пѣшем, и нѣст, и немѡжет по прѡвде звѡт се Словѣнскѣ, него Рѣскиѣ Кнѣйжнѣ, или Дрѣвнѣи лезік, Пѣрво тѣм: леже сѣя́ отми́на лест остѡлнѣм пѣтерѣм или шѣстерѣм коренѣка: и потомѣ без сѣмнѣна родѣла се лест ѣ налстрилего поколѣнѣа, ѣ Рѣсланѡв. А втѡро тѣм: леже сѣь кнѣйжнѣи лезік вно́го побѡднѣи лест днешнѣеь Рѣскоѣ общѣннѡв, неже колѣнѣбѣд Словѣнскоѣ отми́не... [с. 11].

Да и само сочинение Крижанича называется *Граматѣчно изказѡне об рѣском лезіку*, что также дает право называть его проект всеславянского языка *русским языком* (не “русским языком”!). Для Караджича собственно русский и русско-церковнославянский языки имеют иную значимость, которая сводится, по существу, к чисто метаязыковой: в процессе реформаторской работы он использует эти языки либо для утверждения тех или иных элементов в сербском литературном языке, либо для их непринятия. В *Письменици сербскога ѣзика* Караджич в этих целях использует лишь *славенски ѣзык*, под которым следует понимать прежде всего церковнославянский сербского извода — *lingua Serborum ecclesiasticae*. Известна, однако, близость *Славенског ѣзика* к церковнославянскому языку русского извода. К тому же следует иметь в виду, что лингвистическая терминология *Письменици* ведет свое начало, по сути, от Мелетия Смотрицкого через *Российскую грамматику* Ломоносова, а отсюда — к *Руководству къ славенстѣй граматѣцѣ* Аврама Мразовича [1794], см., напр. [Karadža 1983 (1984), 18]. Об этом свидетельствуют, например, названия частей речи: *име сушѣствѣтелно, име прилагателно, име броѣтелно ~ броѣтелно, мѣстоимѣнѣе ~ мѣстоимѣнѣје, глагол, причастѣе ~ причастѣје, нарѣчѣе ~ нарѣчѣје, предлог, междомѣтѣе ~ междомѣтѣје* и др. (в парах первый пример из *Письменици*, второй — из *Српске граматике*). Вук мог опираться в этом плане на все эти три кодифицирующих руководства. Если в *Письменици Славенски ѣзык* упоминается четырежды — два раза в связи с графикой, один раз в связи с констатацией разницы в числе падежей и, наконец, в связи с введением из *Славенског ѣзика* “наклонѣнѣа причастнога” типа *караѣми* [с. 70], а собственно *русский* не упоминается, то в *Српској граматѣци* находим прямое обращение и к *Славенскому языку*,

и к собственно *русскому*. Отталкивание от *Славенског језика* наблюдается на протяжении почти всего текста *Српској граматичи*; *русский* же язык Караджич привлекает в основном только в первом разделе “О словима” [с. XXIX–XXXVI], правда, не всегда корректно (напр., на с. XXXI он дает “русское” написание в виде *росадникъ, росоль, збираю, збитіе*): “Руси пишу *свадьба*, па опет знаду да није од *свађати*, него от *сват*” [с. XXXI]. Устраняя из алфавита ряд церковнославянских букв, Караджич оправдывается: з (зело) — “и Руси су га оставили одавно”, ѣ (ук) — “и њега су Руси оставили” [с. XXXIII], љ (кси) “и Руси су га већ одавно изоставили” [с. XXXV] и под. Или: ѿ (ѿ) (от; омега) — “Ми и Руси изговарамо како *о*, зато га Руси нијесу ни узели међу своја слова” [с. XXXV] и под.

В морфологической части *Српској граматичи* метаязыковой русоцентризм практически сведен на нет (за исключением раздела “О имену броителноме”, где на с. XI, XII в сноске Вук оправдывает употребление наряду с *тридесет* также *тридест* и *триест*, призывая: “Да не рече какав *језикоправитељ*, да је ово (*триест, четръест, шездесет*) *подло* и *поқварено*: и Руси говоре и пишу *тридцать, шесть(!)надцать* и т.д.” Такой подход кажется естественным, так как морфология — это уже собственно языковая материя, материя народного языка. Таким образом, лингворусоцентризм в полной мере проявляется при построении такой системы, как всеславянский язык Крижаннича; у Вука по существу он сведен к внешней, метаязыковой стороне.

II

При работе с языковой материей в целях создания стройной и организованной системы типа “литературный язык” исследователь-“языкоиспытатель” должен проявить определенные лингвопроективные навыки и умения. *Лингвопроективизм* вообще представляет собой явление, которое может рассматриваться в рамках общей теории литературного языка; здесь мы попытаемся доказать, что и Крижаннич, и Караджич обладали лингвопроективными навыками и умениями (можно сказать, обладали выдающимися навыками и умениями) и использовали их при создании соответственно всеславянского и сербского литературных языков.

Лингвопроективная работа подразумевает сознательное вмешательство в языковой материал и языковое образование; при этом в процессе такого вмешательства сдвигают, объединяют, сближают и разъединяют языковые элементы и языковые признаки. *Результатом лингвопроективной работы является языковая система, обладающая*

той или иной степенью апостериорности и тем самым не накладываемая на соответствующие базовые системы, выступающие в ранге диалекта или языка. Степень апостериоризации при создании литературного языка может быть различной. Просмотр под этим углом зрения всеславянского языка Крижанича и сербского литературного языка Караджича убеждает нас в том, что эти образования полярны: первый действительно является языком-“над” (“над языками”!), второй — “на”, т.е. основанный на конкретном диалектном материале. Иными словами, *Руски језик* Крижанича опирается на опыт и материал ряда образований в ранге “язык”, при этом элементы русско-церковнославянского и хорватско-сербского в нем явно преобладают. В свое время голландский славист Т. Экман сделал выборочные подсчеты состава национальной лексики в языке Крижанича: собственно русско-церковнославянских слов оказалось в нем около 10%, собственно хорватско-сербских слов — около 9%, собственно польских — 2,5% и т.д., в то время как около 59% слов присущи всем славянским языкам, в том числе и ранее названным (тогда общее число русско-церковнославянских слов окажется около 69%, хорватско-сербских — около 68%), см. [Экман 1963].

Различные по происхождению напластования обнаруживаем и в области морфологии. Наглядно это можно продемонстрировать на парадигме склонения, например, личного местоимения 1 л. ед. ч. *Јаз* (с. 62):

падеж		р.-ц.-сл. (М. Смотр.)	рус. яз.	
И	<i>Jâz</i>		<i>Jâ (ја)</i>	<i>Jâ (ја)</i>
Р	<i>Mâ</i>	<i>менé (Мéне)</i>	<i>меня (Менâ)</i>	<i>мене, ме (Мéне)</i>
Д		<i>миñь (Миñь)</i>		<i>мени, ми (Мéни), (Ми)</i>
В		<i>Мéне, Mâ (Мéне), Mâ</i>	<i>меня (Менâ)</i>	<i>мене, ме (Мéне), (Ме)</i>
Т	<i>Мéноуѣ</i>	<i>Мноúю (Мноúѣ)</i>	<i>мною (Мноúѣ)</i>	
П		<i>миñь (Миñь)</i>	<i>мне (Миñь)</i>	<i>мени (Мéни)</i>

Распределение падежных компонентов парадигмы местоимения *Јаз* по рубрикам “всеславянский язык”, “русско-церковнославянский язык”, “(собственно) русский язык” и “сербско-хорватский язык” показывает, что одни компоненты находят достаточно отчетливые параллели в русско-церковнославянском и русском, другие — в сербско-хорватском, а третьим найти соответствия практически невозможно, что позволяет их считать сознательными, искусственно созданными

образованиями, как, например, одна из форм творительного падежа, звучащая как *Ménožŝ'* (в словенском имеется похожая, но не тождественная форма: *menož*).

Учитывая сказанное, всеславянский язык Крижанича можно с полным основанием считать *апостериорной системой*, не накладывающейся ни на один из славянских языков, в том числе и на те, материал которых Крижаничем использовался более всего. Совершенно очевидно, что такая языковая система конструировалась в рамках старой лингвистической идеологии, когда на литературно-письменный язык смотрели как на форму именно письменного языка, на котором следовало только писать, но не говорить в быту.

Перед Караджичем стояла иная задача — создать функциональную языковую систему, которая бы объединила всю нацию. Основой такой нормированной системы послужило, как известно, родное для Караджича “ерцеговачко нарјечје” и язык собранных им народных песен. В соответствии с особенностями этого наречия, Караджич, например, склоняется в своей *Писменици* к устранению из фонетической системы литературного языка фонемы [x]: “кад *x* стоји у почетку пред самогласним писменом, или у среди међу два самогласна, онда се може у Сербском ѝезику изоставити н. п. *хоћу*, *маховина*, *духовник*, може се писати: *оћу*, *маовина*, *дуовник*” [с. 10–11]. Следствием такого решения явилось исключение *x* из алфавита, а значит, и из фонетической системы. Конечные *-дъ* и *-ть* церковнославянского языка в сербском, пишет Вук в *Српској граматици* [с. XXXV] должны соответствовать *ћ* и *ћ̣*: *лебедъ* – *лебећ*, *Господъ* – *Госпоћ*, *мъдъ* – *мјећ*, *путь* – *пућ*, *радость* – *радосћ*, *милость* – *милосћ* и под.; аналогичен переход *t* → *ћ*, а *đ* → *ћ̣* перед *je < ě (ъ)*: *је*, *јекој* и под. Однако стремление распространить кодифицированные нормы на базе одного наречия и языка народных песен на другие регионы потребовали от Вука ряда уступок — а именно в пользу “общей правильности”, характеризующей штокавское наречие в целом. Уступки и замсны способствовали *продвиженю нормированного литературного языка по пути апостериоризации*, отдаляющей литературный язык от его диалектной базы. Так, в последующей своей работе Вук признал необходимость сохранения *x*, написание и произношение *tj* и *đj* вместо *ћ* и *ћ̣* перед *je < ě (ъ)* и др. Согласившись с возможностью тройного отражения в литературном языке старого *ě (ъ)* — как *e* (экавизм), как *e/i* (екавизм/иекавизм) и *и* (икавизм), Вук позднее отказывается от икавского произношения, оставляя за экавским и екавским произношениями права литературного гражданства. Аналогичная тенденция проявляется и в морфологии. В *Писменици*

и в *Српској граматици* наблюдаются существенные различия между парадигмами, наприм., склонения прилагательных, ср. определенные прилагательные муж. рода ед. ч.:

	<i>Писменица</i> (с. 31)	<i>Српска грамика</i> (с. XLV)
И	<i>питоли</i>	<i>жуги</i>
Р	<i>питолога</i>	<i>журога, жутог</i>
Д	<i>питомоме, -му</i>	<i>жутоме, -му, -ом</i>
В	<i>питолога</i>	<i>жутога, -ог</i>
Т	<i>питомил</i>	<i>жутим, -ијем</i>
П	<i>питомоме</i>	<i>жутоме, -му, -ом</i>

Большее варьирование падежных флексий в *Српској граматици*, их заметное разнообразие по сравнению с соответствующими формами *Писменици* представляют собой свидетельства расширения морфологических норм литературного языка за счет других говоров. Такое расширение ведет к апостеризации и, следовательно, к отходу от первоначальной диалектной базы. В *Писменици* Вук расширил временную парадигму причастий за счет церковнославянской формы, ср.: “Ово причастие садашњег времена [*карајѐми, а, о*] код народа нечујесе, него је узето из Славенскога, и већ је ушло у обичај” [с. 71], в *Српској граматици* он затем устранил ее. Такое обращение “назад” у Вука — скорее исключение, чем правило.

В свое время акад. А. Белич заметил, что *Српски рјечник* Вука — это “речник језика једног човека и једног краја”, признавая, правда, при этом, что “Караџић је унео и неколико хиљади речи у свој речник из других крајева”, хотя и не обозначал это специально, см. [Белић 1951, 52]. Такое отношение к словарным (лексическим) нормам нового литературного языка — явный шаг к апостериоризации, выводящей нормативную систему из рамок диалекта-основы.

III

В лингвопроективной работе Вук использовал живые, реально функционирующие в речи народа элементы. Крижанич же, протестуя против предшествовавшей литературно-языковой традиции, тем не менее брал из нее многочисленные языковые элементы, присовокупляя к ним также материал живых, преимущественно литературных языков (собственно русского и сербско-хорватского). Однажды осознав необходимость постепенного расширения первоначальной основы литературного языка, Вук шел в этом направлении, частью меняя, частью видоизменяя элементы этой основы. Если Крижанич, опираясь на столь разнообразный языковой материал, пришел к достаточно абстрактной апостериорной языковой системе, то Вук оформлял литературный язык, соотнося почти каждый свой лингвистический

поступок с объективным состоянием живой народной речи. В результате апостериоризм литературного языка Вука не оторван от питающей его среды, напротив, он врос в эту среду — и в этом живучесть и сила литературного языка, созданного лингвистическим гением Вука Караджича. Крижанич же *весь в XVIII веке*. Он жил в самой середине этого века, между его семнадцатью первыми и последними годами (1617/18–1683); там же, в том же веке, осталось и его лингвистическое творение — всеславянский язык. Вук, родившись почти ровно сто лет спустя, перешагнул рубеж двух веков (1787–1864), как и перешагнуло века его лингвистическое творение — литературный язык. По той причине, как нам кажется, Юрай — обязательно *Крижанич*, а Караджич — просто *Вук!*

ЛИТЕРАТУРА

- Белић А., 1951: *Око нашег књижевног језика*. Београд.
- Зборник 1987 = *Зборник радова о Вуку Стефановићу Караџићу*. Сарајево.
- Караџић 1814 = [Караџић В.С.] *Писменица србскога језика, по говору прототога народа написана Вуком Стефановићем Србијанцем*. У Виенни: у печатњи Г. Иоанна Шнирера.
- Караџић 1818 = [Караџић В.С.] *Српски рјечник. Истолкован њемачким и латинским ријечима*. Скупно га и на својем издао Вук Стефановић. У Бечу: gedruckt bei den P.P. Armeniern.
- Крижанич 1848–1859 = [Крижанич ЈО.] *Крижанич Ј., Граматично исказанје об руском језику попа Јурка Крижанића, Презванјем Србланина, меджѣ Кѣноѣ и Вѣноѣ риками: во ѣјездех Бихша града, окол Дѣбовца, Озля и Риѣбника острогов, писано въ Сибѣри: лита зѣод, Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ исторіи и дрѣвностей росіійскихъ при Московскомъ ун-тѣ, 1848, кн. I, XX + (4) + VI + 120 с.; 1859, кн. 4, 121–256.*
- Мелетий Смотрицкий 1755 = [Мелетий Смотрицкий] *Граматка въ по[л]зѣ и оупотребленіе штрокѣвъ србскихѣ ѣ. Въ Ёп[ископїи] рыминчской*.
- Мразович 1794 = *Рѣководство къ славенствѣи граматцѣ. За употребленіе Славено-србскихъ народныхъ училищъ издано трѣдомъ Авраама Мразовича. Въ Виеннѣ: тѣпомъ Г. Стефана Новаковича*.
- Экман Т., 1963: Грамматический и лексический строй языка Ю. Крижанича, in *Dutch contribution to the V International Congress of Slavicists*. Hague.
- Karadža M., 1983 (1984): *Izvori srpskohrvatske gramatičke terminologije — uloga i mjesto Vuka Karadžića u njenom formiranju i standardizaciji*. Sarajevo.
- Zbornik 1986 = *Zbornik Zavoda za povijesne znanosti Istraživačkog Centra Jugoslavenske Akademije znanosti i umjetnosti, vol. 14: Posvećen Jurju Križaniću povodom 300. obljetnice smrti, 1683–1983*. Zagreb: JAZU.

Križanić and Karadžić: In search of metalinguistic solutions

The article compares two linguistic strategies for the creation of standard (literary) languages, those of Juraj Križanić (1617/1618–1683) and Vuk Karadžić (1787–1864).

As a typical representative of his age, J. Križanić designed an abstract linguistic system meant to form the base for a *common Slavic language* (*ruski jezik* or *vse-slavjanskij jazyk*, in his terms), based on a number of Slavic languages or dialects.

V. Karadžić, a representative of 19th-century linguistics and the founder of the Serbian literary language, proceeded in a different way: he singled out one dialect basis for the future standard language and then supplemented it with elements from other dialects of the same language.